

СЛОВОТВІР І ГРАМАТИКА

Быкова Л.

– кандидат филологических наук, профессор
(г. Стоктон; Калифорния; США)

УДК 81'366

МОРФЕМА ↔ MORFEMNYЙ АНАЛИЗ (попытка аналитического представления)

В статье обосновывается мнение о феноменальном свойстве морфемы – о её неотделимости от морфемного анализа; об имманентности лингвистического анализа своему объекту, о слиянии их в акте познания; о том, что непосредственная данность морфемного анализа – не языка, человеческая психика; о том, что для проблемных (непроизводных немотивированных) слов морфемный анализ в синхронии является эмпирическим, релятивистским, основанным на мнемонических приемах предположения, мнения, знания. Эти положения и созвучные мнения о морфеме в единстве с морфемным анализом теоретиков зарубежного и отечественного языкознания нашли в статье подтверждение в анализе особых приемов сегментации слов в синхронии в составе трех пересекающихся классов: слов со связанными корнями, слов в составе корневых (лексических) гнезд и находящихся в сфере исторического словообразования слов, в структуре которых предполагается опрощение.

Ключевые слова: феномен морфемы, интроспекция, мнемонические приемы, эмпиризм, гомогенные / негомогенные отношения, когнитивная эвристическая операция, альтернативные знания.

Бикова Л.

МОРФЕМА ↔ MORFEMNYЙ АНАЛІЗ (спроба аналітичного подання)

– кандидат філологічних наук, професор
(м. Стоктон; Каліфорнія; США)

У статті обґрунтовується думка щодо феноменальних властивостей морфему – про її зв'язок із морфемним аналізом; про іманентність лінгвістичного аналізу своєму об'єкту, про злиття їх в акті пізнання; про те, що безпосередня даність морфемного аналізу – не мови, людська психіка; про те, що для проблемних (непохідних невмотивованих) слів морфемний аналіз у синхронії є емпіричним, заснованим на мнемонічних прийомах припущення, думки, знання. Ці положення й співзвучні думки про морфему в єдності з морфемним аналізом теоретиків зарубіжного й вітчизняного мовознавства знайшли у статті підтвердження через аналіз особливих прийомів сегментації слів у синхронії у складі трьох пересічних класів: слів зі зв'язаними корнями, слів у складі корневих (лексичних) гнізд і слів, що перебувають у сфері історичного словотворення, у структурі яких передбачається спрощення.

Ключові слова: феномен морфему, інтроспекція, мнемонічні прийоми, емпіризм, гомогенні / негомогенні відносини, когнітивна евристична операція, альтернативні знання.

Bykova L.

– *Candidate of Science (Linguistics), Professor
(Stockton, California, USA)*

**MORPHEME ↔ MORPHEMIC ANALYSIS
(essay on analytical representation)**

The article substantiates the peculiar feature of the morpheme, namely, its being indispensable from the morphemic analysis; proves the idea of linguistic analysis being inherent in its object, of their merging in the act of cognition; of morphemic analysis belonging not to the sphere of language, but to the sphere of human psyche; of morphemic analysis of words of unclear origin (of non-motivated non-derivatives) at the synchronistic plane being empirical, relativistic, grounded on mnemonic devices of assumption, opinion, knowledge. These propositions as well as consonant interpretations of morpheme in its unity with morphemic analysis expressed in Ukrainian and foreign linguists' theories have been proved by means of special segmentation techniques used at the synchronistic plane in three overlapping word classes: words with bound roots, words comprising root (lexical) families of words and words referring to the sphere of historical word-building presupposing de-etymologisation.

Key words: *morpheme phenomenon, introspection, mnemonic devices, empiricism, homogeneous/inhomogeneous relations, cognitive heuristic operation, alternative knowledge.*

*Светлой памяти
дорогого друга и единомышленника
Олега Ефимовича Ольшанского*

Постановка проблемы. Морфема предназначена для словообразования и формообразования – это главный нерв структурной парадигмы слова, на котором завязана вся проблематика морфематики. Это смысловые части произведённого в разные исторические времена – слова.

Эти части, за исключением немногочисленных незначимых сегментов, в массе своей осознаются, с большей или меньшей определённой, носителями языка, установлены исследователями и отражены в специальных словарях. Теоретически разработано и экспериментально подтверждено существование у носителя языка банка памяти морфем; чувства составности русского слова; объединения в мозгу человека смысловых частей слова в отдельном слове и в системе языка. Осознание основано на мнемонических приёмах – путём связывания объектов с уже имеющейся информацией для идентификации, т. е. детерминировано прошлым опытом. Объективность существования словопроизводства от слов с одной и той же общей частью отражается в сознании понятием родственных слов (понятие проблемное).

Осознаются как данность и типы морфем: формально – по месту, по отношению к корню. Кажется, не исследован вопрос о том, как они идентифицируют те признаки внеязыковой субстанции, которые отличают эти типовые единицы одну от другой, как это связано с формированием той или другой грамматической единицы.

Слишком общими являются определения морфемы как единицы значимой, знаковой, полужнаковой, понятийной, как знаки частичной идеи – семасиологической; бесспорными – формальные признаки непрерывности, несамостоятельности, в подавляющей массе – повторяемости. Свойства морфемы определены в большом количестве иных разнофокусных, весьма существенных дефиниций.

Феноменальные, парадоксальные особенности морфемы состоят в неотделимости от морфемного анализа (МА). В процессе своеобразного кодирования из морфем складываются слова, а она сама и её значение могут быть понятны только путём дешифровки, декодирования, изъятия из состава слова / слов, проникновения в состав структуры. Проявляется органическое единство и обратимость синтеза и анализа, интеграции и дезинтеграции. Этот сложный узел онтологического существования морфемы и её осознания базируется на целом ряде эпистемологических основ мнения и знаний о построенном слове. Это имманентность лингвистического анализа своему объекту: феноменологически человек способен действовать с позиций принципов созданных им структур – исследователь и объект сливаются в акте познания. Это мнемоническая основа понимания структуры слова: «язык рождается языком», и нет своего метаязыка для формулирования значения морфемы. Очевидно, эпистемологически существенно первородное тождество морфемного и словообразовательного анализа. Поскольку среди слов – особенно основного словарного фонда – есть изменившие свою структуру под влиянием разного рода обстоятельств (изменившие понимание современного исследователя), МА является эмпирическим, релятивистским, подверженным субъективизму.

Цель статьи – проанализировать особые приемы сегментации слов в синхронии в составе трех пересекающихся классов: слов со связанными корнями, слов в составе корневых (лексических) гнезд и находящихся в сфере исторического словообразования слов, в структуре которых предполагается опрощение.

Изложение основного материала. С точки зрения морфемного устройства (а значит и МА) слова русского языка представляют собой эклектику «лоскутного одеяла». Множество разных групп по членимости, выделяемых языковедами применительно к исконной и заимствованной лексике;

репрезентативные, но в общем схематичные типы «степеней членимости» существенно дополняют самые основные признаки морфем – необходимые, но недостаточные.

Очевидно, что свойства морфем с наибольшей наглядностью проявляются в словах со свободными в аспекте синхронии корнями. Здесь в условиях естественно логической мотивации, движение от производящего является чисто словообразовательным и подчиняется его законам: в органическом единстве морфем проявляется взаимовлияние между корнем и производящим формантом. Аффиксы влияют на значение корня и наоборот; те и другие способны расслаиваться на значения (ср. *золотистый* и *землистый*, *долить* и *доехать*). Здесь особенно наглядны парадигматические (*вода – водица...*) и синтагматические (*водный – горный...*) отношения в системе словопроизводства. Проявляется комбинаторика, оборачиваемость корней и аффиксов; варьируемость в сериях слов; индуцирование одного другим; потенции смыслового и формального соединения одной морфемы с другой; неаддитивность их соединения – гармонизм между формой и содержанием. Эти связи между структурами слов называют пропорциональными, гомогенными, гармоничными, симметричными, системными: единица зависит от системы – гомогенно организованными единицами создается система. Морфемный и словообразовательный анализ совпадают, если корень, действительно, является свободным.

Ученые, работавшие в русле **общей теории языка**, сделали ряд ценных умозаключений о морфеме и особенностях МА. Эти характеристики в целом имеют обобщающий характер (морфема вообще), но кажется, что фоном для них являются пропорциональные, симметричные отношения.

Так, представитель Казанской лингвистической школы Н. В. Крушевский выстраивает лингвистические оси применительно к словам, перенося их на морфемы. В своих пропорциях и формулах он показывает универсальные ассоциативные связи по сходству (гнезда) и смежности (ряды), т. е. парадигматические и синтагматические отношения [7, с. 81]. А. М. Пешковский в получившей теперь новое звучание основной работе, в своём учении о словах, имеющих форму и бесформенных, захватывает и морфему. В его условном квадрате по вертикали выступают родственные по основе / корню, по вещественной части слова (*стекло – стеклянный...*), а по горизонтали – другие слова с той же формальной частью (*стекло, весло*) [11, с. 14]. Интересны мысли о морфеме и МА Ф. де Соссюра. На фоне своего учения о двусторонности языкового знака, о дихотомических различиях

парадигматических и синтагматических отношений в лексике (об ассоциативных рядах по корню и суффиксам) звучит главная идея о том, что всё в языке покоится на **отношениях знаков**, особенно в пределах одного яруса: знаковые единицы могут получать значение в зависимости от того, что следует за ними и находится после них. Морфема даже вне процесса речи ассоциируется с группой единиц, локализованных в мозгу и хранящихся в памяти [14, с. 121]. «Корень является тем элементом, где общий всем родственным словам смысл достигает наивысшей степени абстракции и обобщения» [14, с. 185]. Ф. де Соссюр подчеркивал спонтанность и субъективизм МА. «Квадрат Дж. Гринберга» – так он назвал свои значимые последовательности (АС, БС, АД, БД) – и рассуждения о правильных и неправильных квадратах вошли в практику изучения морфематики [4, с. 82]. Для Дж. Лайонза морфема – дистрибуционный множитель, существующий в пропорциях $Ax: Vx: Cx = Ay: Vy: Cy$ [8, с. 108]. Глобализируя связи языковых единиц, Дж. Лайонз пишет о слове и морфеме: «...с какой бы из этих единиц мы ни начали, мы должны предположить, что уже знаем что-то о другой» [8, с. 107]. Философ А. Ф. Лосев писал, что морфемы обогащают жизнь корня; во внутреннем ядре слова содержатся его судьбы. «В этимоне (корне) мы имеем первоначальный зародыш слова. Жизнь слова только тогда и совершается, когда этот корень начинает варьировать в своих значениях» [9, с. 47]. В блестящей аналитической работе В. А. Звегинцева нашла место и морфема, – правда, опосредованно. Фактически не признавая знаковый, дискретный её характер (может быть выделена только в процессе абстракции и подчинена «узнаванию» смысла слова), учёный называет замечательными мысли Ч. Пирса о знаке: знак переводит себя в другой знак, в котором он получает более полное развитие; назначение знака – быть интерпретированным в другом знаке; это нечто, зная которое мы узнаём нечто большее [6, с. 232]. Известный современный теоретик языкознания В. З. Демьянков сформулировал свою мысль о значимости морфемы прямолинейно: это отрезки, соотносимые с единицами словаря [5, с. 90].

В соответствии со своими концепциями языка учёные рассматривали морфему, её свойства и жизнь с разных сторон; в пропорциях и формулах, рядах и квадратах отражены наиболее общие законы их комбинаторики; доминирует мысль об особенностях интерпретации и взаимоинтерпретации; определение корня тяготеет к метафоричности.

Для огромного массива слов, явно, в соответствии с виртуальной памятью или интроспективно, по приобретенному в процессе практического пользования языком признаку

«составности» **непроизводных** слов, организацию их смысла из предполагаемых частей определить можно только в аспекте историческом, шаг за шагом перебирая весь «послужной список» слова. Для «составных» **непроизводных** слов МА лишается естественно логической опоры и приобретает самостоятельную значимость.

Представляется возможным охарактеризовать здесь несколько «проблемных» в отношении МА в синхронии групп **непроизводных** слов, имеющих явную или предполагаемую «составность» (у исследователя уже есть определенные установки), в отношении их связей и различий. Очень важно иметь в виду «пространственные и временные оси» поля исследования: литературный или национальный язык, включая говоры; современный литературный язык или литературный в доступном историческом диапазоне. Ясно, что расширение поля использования может изменить результаты анализа в сторону членимости, увеличения выделяемых морфем. Следствием имманентности МА своему объекту, когда исследователь и объект сливаются в акте познания, могут быть разные мнения в отношении структуры того или иного слова, и зависит это от концепции исследователя и от важной для интроспекции лингвистической компетенции исследующего (попросту – от знания слов родного языка).

Г. О. Винокур [3, с. 22–24] активизировал понятие «слова со связанным корнем» (СК) как особый тип морфемного устройства (а значит, и особого подхода к МА в синхронии), нелегко поддающийся идентификации и систематизации. Создание полного научного словаря слов со СК было бы очень трудным делом.

Для исконных имён со СК залогом возможного членения может быть наличие не вызывающих сомнения родственных слов. По закону субституции или структурно значимого отсутствия **правофлангового** компонента (*пуговица – пуговка; песок – супесь; тусклый – тускнеть; скудный – скудость*) – по направлению от производящего, выделяется корень – главная «материальная» морфема. Членение в общем является формальным. Чтобы понять истинную, исконную структуру слова, нужно идентифицировать / реконструировать свободный корень / слово; или / и идентифицировать все структурные компоненты слова (*солнце, жадный*); или – случается – усмотреть в лексеме другое явление – опрощение слова со свободным корнем (*курица – кур; говядина – старорусское говядо; vareжка – возможно, диалектное варега*).

В другой категории проблемных «правофланговых», преимущественно иноязычных, по этому же принципу выделяют

зримые, полноценные суффиксы (*транслировать – трансляция*); если же вычленяющего элемента нет, действует закон аналогии со словами со свободным корнем (*фашист – таксист*) и знание суффиксов, выступающих как словообразовательные. Возможна и двоякая проверка: *жрец – жрица – мудрец*. Членение осуществляется «окольно», дистанционно, через структурное (системное) родство, путем аналогии, через парадигматический фон, когда приходит в движение вся система единства и тождества.

Особо выделяется очень большая группа общеславянских глаголов, корень которых связан с **современными приставками**: *обуть – разуть; принять – отнять...* Их формальное членение выводится из противопоставления значимых приставок. Их корень – «нечто», представленное в разнофокусных проявлениях. Может быть, и мерцает мысль использовать аналогию со свободным корнем: *отнять – отобрать?* Но иностранец запоминает слово *привыкнуть* – целиком, условно. В своей фундаментальной докторской диссертации Е. М. Шептухина [18] поставила цель проследить эволюцию глаголов с приставочными связанными основами – на материале этимологии; памятников литературного языка на всем протяжении истории; говоров – до современного состояния в **общенародном** русском языке. После обнаружения / реконструирования исходных бесприставочных глаголов / корней были прослежены длительные и сложные способы образования приставочных глаголов при сохранении общего концептуального ядра (стереотипа). Объект своего анализа автор сформулировал так: особый тип словообразования двух или нескольких **взаимомотивированных** приставочных глаголов, сохраняющих **исходную сему** производящего бесприставочного глагола. Автор не вспоминает А. А. Потебню, но, может быть, сема далекого в исходе бесприставочного глагола и есть внутренняя форма слова? Как известно, А. А. Потебня подчеркивал, что внутренняя форма слова – это намек, наше предощущение, возбуждение, направление мысли; след того процесса, которым было создано слово; «отношение содержания мысли к сознанию» [12, с. 38]. В результате анализа слова со связанными основами и корни были распределены на те, которые не были обнаружены (*-уть, -деть, -хитить*); обнаружены в памятниках и литературном языке (*-вык-, -луч-...*); в литературном языке и диалектах (*отразить – поразить; вынудить – принудить...*). Работа Е. М. Шептухиной – это исследование по историческому словообразованию. Она обосновала вынужденный характер МА в синхронии.

МА слов со СК разного устройства подтверждает идею лингвистов о детерминированности одного знака в другом, о

возможности знака влияют на значение даже несоседних языков, о генерализации значения относительно позиции в разных словах. При этом МА может быть как бы перевёрнутым: смысловой опорой могут являться служебные морфемы. Можно вспомнить слова А. Ф. Лосева о корне как зародыше слова, В. А. Звегинцева, цитировавшего Ч. Пирса, о том, что знание того, что он назвал «нечто», прогнозирует наши знания о другом – «где огонь, там и дым» (см. ссылку на приведенные выше высказывания).

Кажется очевидным, что основную массу слов, проблемных в отношении МА, составляют слова «составного устройства», которые тоже являются непроизводными, тоже соотносительными по центральной части (корню): их аффиксы не противоречат современному инвентарю морфем, – но сравнить эти слова с действующими словообразовательными моделями по аналогии не представляется возможным или затруднено.

В современной парадигме лингвистических исследований непрерывного пространства в лексической системе языка выявляется связь между словами со СК и корневыми гнёздами / корневыми словами (КГ). Более того, материал СК поглощается КГ и включается в сферу их исследования.

Понятие КГ связывается с именем А. Н. Тихонова, создавшего теорию словообразовательного словаря и реализовавшего её на практике в качестве очень ценного научного Большого словаря в нескольких вариантах. У А. Н. Тихонова есть множество работ (в том числе и монография), в которых известный дериватолог-лексикограф сравнивает словообразовательные и корневые гнёзда, а также непосредственно посвященных КГ [15]. Концепция КГ А. Н. Тихонова – новаторская для своего времени и, может быть, поэтому вызывающая вопросы. Так, автор называет гнездом однокоренных слов множество, состоящее из 2-х или более словообразовательных гнёзд, вершиной которых являются слова со связанными корнями, сохранившие в глубине структурную близость, но утратившие словообразовательную; сюда входят производные и непроизводные слова; подгнёзда гнезда располагаются по принципу словообразовательных гнёзд; разграничиваются словообразовательная и лексическая мотивация (лексическая, очевидно, – по отношению к частям парадигмы словообразовательного гнезда); обширная мотивационная база охватывает все виды внутригнездовых лексических связей однокоренных слов, распространяется на все его участки. Утрата словообразовательных отношений ведет к деэтимологизации. Или: в центре могут находиться не слова, а корни, вернее – лексическое значение, которое мотивируется корнями того же гнезда.

Экземплярно построить такие гнёзда, конечно, возможно. А. Н. Тихонов называет их лексическими (КГ = ЛГ), хотя виноградовская концепция исторического движения лексики значительно сложнее по своим задачам и выполнению. Отношения между СГ и КГ определяются движением от более крупного объединения (СК) к менее численному (СГ). Не удивительно, что в истории лингвистики сначала появились словообразовательные словари... Самое важное, что в разных работах А. Н. Тихонова и его последователей приводятся разные примеры КГ: *внять – принять, стать – отстать* (традиционно связанные, допускающие членение по аналогии – см. выше); *дать – продать – издать; лежать – надлежать; ходить – находить – подходить; питать – воспитать – пропитать* (труднее с аналогией; скорее всего это КГ); а также «деэтимологизированные пары», связь между которыми воспринимается по-разному: *грусть – груда; лопасть – лопата; свеча – свет; роща – расти; гореть – горе* – слова этой категории традиционно рассматриваются в рамках опрощения.

Независимо от способов построения КГ (ЛГ), языковеды, работающие с этим материалом, пытаются определить их связи на синхронном и даже диахроническом уровне ничего не говорящими словами: латентные связи; имплицитные; семантический инвариант с разной степенью прозрачности; ассоциативные отношения; центральные семы; логико-индуктивные связи и просто: общность корня – это и есть мотивация.

На вопрос о том, как сложилась на самом деле судьба непроизводных, немотивированных слов, может ответить историческая деривация и этимология – «восстановление законов языка; всё трудное и невозможное, глубокое и загадочное», – как сказал Н. Крушевский [7, с. 48]. Историки языка отмечают, что еще не выработаны приемы реконструкции лексического состава и словообразовательной структуры исторических корневых гнезд, и идут к этой цели разными путями. Исторический словообразовательный словарь, который представил бы всю историю корневых гнезд, – это абсолют. Организацию и превращения КГ, непрерывную цепь причин и следствий изучают, ориентируясь на единичные корни – или сопоставительно.

Причиной утраты былых связей могли быть сложные семантические и структурные изменения, деформировавшие структуру словообразовательных гнезд и цепей; могла проявиться непредсказуемость и идиоматичность словообразования как процесса; нелинейность, несимметричность исторического словообразования; утрата составляющих; действия особых

способов словообразования (непрямые, метафорические, промежуточные, ассоциативные, ядерные, периферийные...).

Для наших обобщений (наблюдений) важна **синхрония**. Слов, которые членятся по правилу условно корневых (или имеющих СК), в русском языке очень много (они составляют значительную часть вершинных в гнездах словообразовательных словарей). Когда исследователь «видит» условный корень, он «перебирает» в памяти возможные родственные, составляя, по крайней мере, пары (*относиться – нести; представлять – стоять – ставить; сообщать – общий; притвориться – творить...*). Сказывается знание слов и чувство лексической общности; появляются догадки, варианты; возможны неточности и радикальные мнения, ошибки... Во всех случаях МА имеет формальный, «прикладной» характер. Истинно: МА имманентен своему объекту; исследователь и объект сливаются в одном акте; МА является релятивистским, субъективным. При затруднении поисков исследователь склоняется к опрощению (*неукоснительный; искусство...*).

Слова Ф. де Соссюра о том, что факты языковой действительности противоречивы, а для говорящих единственной реальностью является язык в его современном состоянии, стали афоризмом. Стратегия изучения **опрощения** (деэтимологизации, дезинтеграции, деноминации) как проблема выделения / невыделения в слове аффиксов основана на трудностях разграничения синхронии и диахронии при МА. Слова, в которых с точки зрения принципов МА с позиций синхронии, языковеды усматривают «приращение» аффиксов к корню, являются / представляются непроизводимыми; обнаруживают свою «составность»; утратили мотивацию (во всяком случае, она не очевидна); не могут быть включены в сопоставление по аналогии; сами организуют словопроизводство, становясь вершиной словообразовательного гнезда, повторяя в производных свою структуру. Слово перестает напоминать другие слова, с которыми оно было связано, не осмысливается вместе с ними в одном гнезде, создает свою микросистему.

Для языковедов такие слова (как правило, экземплярные) – объект поисковой работы по историческому словообразованию в установлении исконной структуры слова. Начало изучения исторических изменений в составе слова связано с именами ученых Казанской лингвистической школы – особенно В. А. Богородицкого [1]. Направлению исследований в этом русле и установлению терминологии способствовала программная работа Л. А. Булаховского «Деэтимологизация в русском языке» [2]. Большое наследие в области изучения опрощения оставил

известный историк языка и этимолог О. Е. Ольшанский. В своей диссертации, монографиях и большом количестве статей ученый представил результаты изучения огромного материала по историческому словообразованию (в этом несомненная ценность его многолетней работы); анализировал структурные, семантические и словообразовательные особенности слов, переживших опрощение; выявил типологию таких слов; определил фазы опрощения [10].

Не ставя перед собой цели специально выявить факты исторических изменений в структуре слова, и в частности, опрощения, любой исследователь истории русской лексики «поставляет» материал для обсуждения (много интересного содержится в этюдах академика В. В. Виноградова). Трудно даже назвать все обстоятельства (не причины!), которые способствовали приращению корня. В фонде национального языка это могут быть непонятные, неживые для современности исторические чередования звуков (*дуть – домна – надменный; грести – сугроб*); нерегулярные звуковые изменения (*усы – гусеница; долбить – долото*); индивидуальные структурные деформации слов в высокофузийном русском языке (*обваранка – баранка; творожка – ватрушка*); исторический вид некоторых служебных морфем (*еда – снедь; ухо – внушать*); выход в пассивный фонд, архаизация производящего (*вития – витиеватый; коварь – коварный*); утрата обстоятельств называния (*мех – мешок; яск – ящик*)... Короче: язык живет в исторических, социальных, культурных условиях, и в нем отражена вся совокупность человеческих знаний, верований и т. д. (*рубль, копейка, корыто, сохатый, погост*...). Истоки жизни слов могут обнаруживать себя в говорах (*аляповатый – оляп; сякнуть – иссякнуть*).

В целях практических или просто познавательных носители языка тоже производят когнитивную эвристическую операцию по реконструкции производящего, обнаруживают ментальную установку на сравнение с возможным исходным словом, предполагают сближение «по смыслу» (*око – окно – окунь*). Дж. Лайонз остроумно назвал подобную ситуацию «игрой в жмурки» [8, с. 78]. Как быть с членением слова в синхронии, если производящее «не очень устарело», а особенно в случаях номинации по неясной, «мерцающей» смысловой связи, как отразить это в специальных словарях? В случаях забвения или неясности производящего, когда форма как бы намекает на характеристику обозначаемого, когда носитель языка в своем внутреннем словаре, в подсознании, содержит потенциальную интерпретацию языкового знака, чувствует «направление мысли», –

вопрос остается открытым. Теоретики рекомендуют отказаться от фундаментализма, от жестких нормативных требований. Здесь ярко проявляется субъективно-эмпирический характер МА, опыт и наблюдения, основанные на интуитивных, альтернативных знаниях. С позиций теоретического языкознания опрощение – это не процесс в языке, а только взгляд, мнение исследователя. О. Н. Трубачев с его постулатом единой и непрерывной истории языка и слова писал о том, что отделить синхронию от диахронии, описание от реконструкции, – «запрограммированный проигрыш, напрасный труд», и вывел этот принцип в заглавие своей статьи «Синхрония и диахрония und kein Ende (маргиналии по русскому историческому словообразованию)» – [16, с. 19].

А морфема в связи с казусом опрощения проявляет еще одно важное свойство – «быть действительной только в определенное время»; может быть скрытой, потускневшей, выступать со стертым значением – А. И. Смирницкий [13, с. 21].

Несмотря на то, что в большой науке о языке существует самостоятельный раздел «Морфемика», что в словарях зафиксированы инвентари морфем, что существует «Словообразование», оперирующее морфемами, в работах самих серьезных специалистов феномен морфемы вызывает вопросы, сомнения и скептические размышления. Интроспективность, виртуальность, неосвязаемость, даже прозрачность – могут ли они быть свойством языковой субстанции? МА отличается высокой степенью изоциренности. Ни один из признаков морфемы не является абсолютным – морфема не поддается точному определению понятия. Известный специалист по словообразованию и когнитивистике Е. С. Кубрякова сомневается в том, что все морфемы хранятся в памяти носителей языка в «несобранном» виде; ее смущает, что наблюдатель не отделен от наблюдаемого.

Выводы и рекомендации. Р. М. Фрумкина, работавшая на пересечении теории языка, философии и психологии, рассматривала вопрос «об устройстве гуманитарного знания»; об источниках знаний в лингвистике. МА как лингвистический эксперимент не подчиняется правилам проведения эксперимента в других науках: здесь не различается наблюдение и самонаблюдение. «Наблюдать мы можем содержание собственной психики, но никак не язык. Непосредственная данность – это наша собственная психика – интроспекция» [17, с. 48]. Интроспекция имеет особый статус: недоступна воспроизведению и непроверяемая. В науке существует определенный стандарт метода исследования: гипотеза – эксперимент – результат; у лингвистики в этом смысле метода нет. Ученые одной сферы работают по-

разному; результаты их работы не всегда могут быть подтверждены. Уже выяснено, что формализация МА не приводит и не может привести к «точным» результатам – это человеческое знание. Называние явления формируется в психике человека, может быть, очень далеких поколений, а понимание проходит через психику людей, может быть, поздних, современных поколений. В этом парадокс феномена слова и **МОРФЕМЫ**.

Литература

1. Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку / В. А. Богородицкий. – 5-е изд., стереотипное. – М. : Эдитория УРСС, 2004. – 232 с.
2. Булаховский Л. А. Дезтимологизация в русском языке / Л. А. Булаховский // Труды Института русского языка. – Т. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1949.
3. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1959. – 420 с.
4. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков / Дж. Гринберг // Новое в лингвистике. – Изд-во Иностранная литература, 1963. – Вып. III. – С. 60–94.
5. Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. Когнитивные аспекты лексикографии / В. З. Демьянков. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 172 с.
6. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.
7. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке / Н. В. Крушевский. – М. : Изд-во «Книга по требованию», 2011. – 173 с.
8. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М. : Издательский Дом Прогресс, 1978. – 248 с.
9. Лосев А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 110 с.
10. Ольшанский О. Е. Фазы опрощения в русском языке / О. Е. Ольшанский // Филологические науки, 1990. – № 3.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Изд-во «Языки славянской культуры», 2001. – 510 с.
12. Потеня А. А. Слово и миф / А. А. Потеня. – М. : Изд-во «Правда», 1989. – 98 с.
13. Смирницкий А. И. Некоторые замечания о принципах морфемного анализа основ / А. И. Смирницкий // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. – 1948. – Вып. 5. – С. 21–26.
14. Соссюр Ф де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1999. – 416 с.
15. Тихонов А. Н. Лексическое гнездо в современном русском языке / А. Н. Тихонов. – М. : Наука, 2005. – 386 с.
16. Трубачев О. Н. Синхрония и диахрония und kein Ende (маргиналии по русскому историческому словообразованию) / О. Н. Трубачев // Исследования по историческому словообразованию. – М., 1994. – С. 16–28.
17. Фрумкина Р. М. Самосознание лингвистики – вчера и сегодня / Р. М. Фрумкина // Известия Академии наук СССР. – Серия литературы и языка. – 1999. – Том 58. – № 4. – С. 48–68.

18. Шептухина Е. М. Эволюция глаголов со связанными основами в общенародном русском / Е. М. Шептухина. – Волгоград, 2006. – 397 с.

Шепель Ю.

– доктор филологических наук, академик АНВО Украины, профессор кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета имени Олеса Гончара

УДК 81'373.611:811.161.1

**МЕСТО СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В МОДЕЛИРОВАНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЯДОВ**

В статье описывается словообразовательный ряд, который рассматривается как один из способов упорядочивания / организации производных слов. Автор обращается к анализу содержания словообразовательных рядов имён прилагательных русского языка и к механизму продуцирования словообразовательного ряда как единицы словообразовательного уровня. Показаны принципы описания формально-семантической стороны моделирования словообразовательного ряда как комплексной единицы словообразовательного уровня.

Ключевые слова: семантика, деривация, словообразовательный ряд, формант, словообразовательное значение, моделирование, производность.

Шепель Ю.

– доктор філологічних наук, академік АНВО України, професор кафедри перекладу та лінгвістичної підготовки іноземців Дніпровського національного університету імені Олеса Гончара

**МІСЦЕ СЕМАНТИЧНИХ ПРОЦЕСІВ
У МОДЕЛЮВАННІ СЛОВОТВІРНИХ РЯДІВ**

У статті описано словотвірний ряд, який розглядається як один із способів упорядкування / організації похідних слів. Автор звертається до аналізу змісту словотвірних рядів прикметників російської мови й механізму продукування словотвірного ряду як одиниці словотвірного рівня. Показано принципи опису формально-семантичного боку моделювання словотвірного ряду як комплексної одиниці словотвірного рівня.

Ключові слова: семантика, деривація, словотвірний ряд, формант, словотвірне значення, моделювання, продуктивність.

Shepel Yu.

– Doctor of Science (Linguistics), Academician of Higher Education Academy of Sciences of Ukraine, Professor, Department of Translation and Linguistic Training of Foreigners, Dnipro National Oles Honchar University

**PLACE OF SEMANTIC PROCESSES
IN DESIGN OF WORD-FORMATION ROWS**

The article describes a series of word-formation, which is considered as one of the ways to organize / organization derivative words. The author refers to the analysis of the contents of derivational series adjectives of the Russian language and the mechanism of the production of a family of words as the number of word-formation-